

Б.Э. Быховский

Фельдфебели в Вольтерах: (фашизм и философия)

<Фрагмент>

Апология человеконенавистничества

Человеконенавистническая «экзистенциальная философия» — одно из наиболее влиятельных академических философских направлений в гитлеровской Германии. Если расизм — орудие массовой пропаганды человеконенавистничества, то «экзистенциализм» пропагандирует его в кругах «академической» интеллигенции.

Писания «экзистенциалистов» Гейдеггера, Ясперса и прочих обер-лакеев фашизма, несравненно больше напоминающие горячечный бред, нежели литературные произведения, по содержанию своему отнюдь не оригинальны: они воспроизводят и приспособляют к злободневным запросам немецких фашистов бывшую архиреакционной уже сто лет назад теологическую концепцию Кьеркегора. Датский обскурант, кликуша и психопат первой половины прошлого века Серен Кьеркегор, излюбленная мишень для насмешек современников, извлечен фашистскими «философами» с задворок истории философии.

Корень всех зол, по мнению Кьеркегора, в распространении рационализма и научного познания. «Если бы составлялись статистические таблицы роста потребления рассудка, подобно тому, как составляются таблицы потребления алкоголя, — писал Кьеркегор, — то мы пришли бы в изумление от того, как возросло его потребление в наше время».

Неверие, интеллектуализм, натурализм, просветительские идеи — вот что является, согласно Кьеркегору, тяжелым недугом человечества. Он ополчался против классического немецкого идеализма, и в особенности против философии Гегеля. Даже антигегельянские лекции престарелого Шеллинга, которые Кьеркегор слушал в Берлине, не удовлетворяли его. Против гегелевской логики нужны, по его мнению, более действенные противоядия.

Фанатический фидеизм пронизывает все мировоззрение Кьеркегора. Религия и философия несовместимы, — множество раз повторяет Кьеркегор. Вера не терпит доказательств. Доказывать веру — значит опровергать ее. Вера должна быть *детской*; лучшим доказательством истин веры является формула: «Это совершенно достоверно, ибо этому учил меня мой отец». Кьеркегор воскрешает пресловутый афоризм Тертуллиана: истинным предметом веры является для него «абсурд» — то, что не поддается разумению.

Объективной реальности нет места в философии Кьеркегора. Единственной реальностью для него является субъект, человеческое «существование».

«Существование» («Existenz») — центральная категория философии Кьеркегора. Под «существованием» он понимает человеческую жизнь, лишая при этом понятие «жизнь» всякого реального биологического содержания. «Существование», отождествляемое с субъективностью, противопоставляется Кьеркегором всякой объективности, материальному, чувственному бытию, которое выступает у него как чуждое, враждебное человеку. Человек *заброшен* в

мир, и вся трагедия человека состоит в том, что ему приходится быть в мире, жить «подобно рыбе на суше». Материальный мир, с точки зрения «существования» как «истинной реальности», есть ничто.

Величие, знание, слава,
Дружба, наслаждение и добро —
Все это лишь ветер, лишь дым:
Вернее сказать — ничто —

таким эпиграфом начинает Кьеркегор одно из своих произведений.

Место логических категорий заступают у Кьеркегора: *страх, отчаяние, парадокс, момент, решение, жертва*.

Из привязанности к самому себе, составляющей, согласно Кьеркегору, сущность духовного существования, вырастает *страх смерти* — лейтмотив психологических и этических переживаний человека. Страх перед грядущим уничтожением, перед «днем, который некогда придет», владеет личностью. «Некогда я умру» — дамокловым мечом висит над человеком. Страх смерти возрастает вследствие неопределенности этого «некогда». «Когда? Может быть, завтра!» — приводит в *отчаяние* и вырастает в «болезнь смертью».

Страх смерти принимает у Кьеркегора маниакальный характер, граничащий с психопатологией. На этом страхе основывается у него религиозная вера — «парадокс» бесконечного «существования» конечного существа.

Вера, по Кьеркегору, глубоко коренится в душе человека, в вырастающем из самой сущности человека утверждении «моего бессмертия». Вера не может быть доказана, ибо тогда она уже не вера, а знание. Вера — дело свободной воли, решения. Кьеркегор объективному противопоставляет субъективное, знанию — веру, закономерности — индетерминизм, всеобщему — единичное.

Проповедь Кьеркегора не только антисоциальная, но и глубоко человеконенавистническая. «Если я прихожу к убеждению, — пишет он в своем дневнике (1851—1853), — что умирание необходимо, что быть любимым богом есть страдание и что любовь к богу тоже страдание, — тогда я обязан препятствовать также счастью всех остальных».

И знать того я чувства не хочу,
Которое зовут любовью люди¹ —

выражает у Ибсена Бранд антигуманистическую тенденцию этики Кьеркегора.

Гуманность — вот бессильное то слово,
Что стало лозунгом для всей земли.²

Христианство должно быть не религией любви к людям, но религией любви к богу, жестокой и непримиримой. Оно должно рассматривать неверующих не как колеблющихся и заблудших, а как восставших против бога; не убеждать их

¹ Ибсен Г. Сочинения. Том I. 1909. С. 146.

² Там же. С. 161.

следует, а беспощадно усмирять и карать.

Дипломированные лакеи германского фашизма рядятся в ветхое идеологическое тряпье кьеркегорьянства, извлеченное из мусорной ямы истории философии. Новоявленные пророки экзистенциализма Мартин Гейдеггер, Карл Ясперс и их многочисленные подпевалы нудно твердят зады кьеркегорьянства. Убогое содержание облечено в произведениях Кьеркегора в пестрый, яркий литературный наряд. Гейдеггер переводит его на свой эпилептический язык. Его литературная стряпня филологическая абракадабра, изуродованные, вывихнутые слова, словно прошедшие сквозь пытки гестапо. То же жалкое фидеистическое содержание Ясперс окутывает непроницаемой дымовой завесой псевдоучености; его пухлые писания нудный, нескончаемый поток мутного реакционного пустословия.

Гейдеггер и Ясперс стараются оставаться в туманных сферах абстракций, уклоняются от прямой, конкретно-политической расшифровки своих учений; государственный советник «Третьей империи», фашистский «профессор» Карл Шмитт переносит экзистенциальные бредни в политико-правовую область.

Шмиттовская концепция политического представляет собой апологию войны и террора. Это призыв к агрессии, к кровавой борьбе за господство над миром.

«Всякое политическое понятие, — заявляет Шмитт, — является полемическим понятием. Оно имеет в виду политического врага и определяется... своим врагом». Главным признаком «политического», согласно Шмитту, является объединение на почве борьбы с общим врагом (Freund-Feindgruppierung), вражда к которому достигает крайней интенсивности. Враг при этом понимается «экзистенциально»: вражда-де не является продуктом объективных антагонистических социальных отношений, а, наоборот, сами эти отношения — порождение вражды, коренящейся в духовной субстанции людей. «Понятия "друг", "враг", "борьба" получают свой реальный смысл благодаря тому, что они в особенности направлены на реальную возможность физического умерщвления... Война — лишь предельная реализация вражды», *ultima ratio* (последнее основание) политики.

Усиливая кьеркегоровское жизне- и человеконенавистничество, нынешние экзистенциалисты используют его фидеизм вместо обоснования христианства для обоснования «немецкой религии», для обожествления «фюрера» и его культа крови и насилия, для проповеди новой «веры», веры в снаряды и бомбы.

Мотив *страха*, являющийся центральной темой всей философии экзистенциализма, как нельзя более отвечает идеологическим требованиям фашизма. Во-первых, потому, что устрашение является для фашистов основным *методом* психологического воздействия. «Мир, — заявил Гитлер своему бывшему сподвижнику Раушшину, — может быть управляем только страхом». Во-вторых, потому, что страх является важнейшим переживанием самих этих бандитов-авантюристов.

Экзистенциализм является «философией», основанной на чувстве страха и на методе устрашения.

Наряду с чувством страха, возводимым экзистенциалистами в ранг основоположной философской категории, в центре их философствования находятся «категории» «беспокойства» (или «заботы») и «вины». Чувства «беспокойства», «вины», страх перед неизбежностью небытия составляют

определяющее содержание человеческого «существования».

Фашистский «экзистенциализм» мистифицированная психопатология «нечистой совести», психология преступника, одержимого страхом, от которого он никуда не может уйти, от которого избавиться его может только *смерть* (также одна из центральных «категорий» экзистенциализма).

Для проповедников экзистенциализма жизнь — мучительный кошмар. Жизнеутверждающему миропониманию, творческой, созидательной жизни как высшему благу противопоставляется мизантропическая «жизнь к смерти».

Внешний мир, реальная действительность, объективная закономерность природы и истории воспринимаются по самому существу своему как чуждые, враждебные «существованию», «страшные». Противопоставление «существования» (в специфическом, уродливом смысле, придаваемом этому понятию экзистенциалистами) «бытию» красной нитью проходит через все их писания. Человек «заброшен» в бытие. Отсюда «страх» и «беспокойство» как основные формы его отношения к бытию.

С исключительной наглядностью выражена в фашистском «экзистенциализме» авантюристская сущность фашизма: предчувствие исторической обреченности, сопровождаемое игрой ва-банк.

Экзистенциальное кликушество как нельзя более созвучно авантюристической природе фашизма. «Беспочвенная пустота Ничто», трагические образы «Судьбы» и «Будущего», тождественных со «Смертью», с неустранимостью навязчивых идей преследуют читателей экзистенциалистских писаний. На фоне этой идеологии обреченных истерически, маниакально звучат волюнтаристические мотивы экзистенциализма. Учения о «решающем мгновении», о «прыжке», культ «жертвы» проникнуты глубокой безысходностью и авантюризмом отчаяния. Это не действительность, опирающаяся на познание объективной закономерности, не оптимистическая активность, основанная на соответствии историческому ходу вещей, а ее прямая противоположность — судороги утопающего, цепкая хватка конвульсий, последняя ставка шулера.

Б.Э. Быховский

Фельдфебели в Вольтерах: (фашизм и философия) <Фрагмент>

Печатается по: *Быховский Б.Э.* Фельдфебели в Вольтерах: (фашизм и философия). – М.: Госполитиздат, 1943. С. 35-39.

Быховский Бернад Эммануилович (1901–1980) – доктор философских наук, заведующий сектором истории западной философии Института философии АН СССР, преподаватель Белорусского государственного университета и Центральной партийной школы при ЦК КП БССР (Минск); заведующий кафедрой диалектического материализма Среднеазиатского университета (Ташкент), преподаватель МИФЛИ, Института Красной профессуры, профессор Московского института народного хозяйства, лауреат Сталинской премии (1944) за участие в создании трехтомной «Истории философии» (1940–43). Автор работ по истории западноевропейской философии, марксистской теории историко-философского процесса.

Соч.: Метапсихология Фрейда. Минск: б. и., 1926; Философия Декарта, М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1940; Метод и система Гегеля, М.: ОГИЗ–Госполитиздат, 1941; Основные течения современной идеалистической философии. М.: Знание, 1957; Людвиг Фейербах. М.: Мысль, 1967; Джордж Беркли. М.: Мысль, 1970; Кьеркегор. М.: Мысль, 1972; Гассенди. М.: Мысль, 1974; Шопенгауэр М.: Мысль, 1975; Сигер Брабантский. М.: Мысль, 1979; Ленин и некоторые вопросы истории философии // Под знаменем марксизма. 1931, № 1–2.